

Палящий зной вызывал в сердцах тревогу и раздражение. Даван и Эрван в такие дни совсем не задерживались во дворе — обжигающее солнце раскалило глину так, что по ней невозможно было ступить. Вода в тазу, что стоял у стены, за полдня выдыхалась досуха, и стоило только долить свежей, как две большие собаки, весело виляя хвостами, тут же жадно припадали к краю и пили до дна.

Юй Шанчжи поднял кувшин, налил несколько чашек с водой и понёс их трём работавшим во дворе мужчинам и двум подросткам, что помогали строить новую комнату.

Первым заметил его Ху Дашу. Он вытер со лба пот и обернулся:

— Юй-ланчжун.

Тот подал чашу:

— Жара такая, вы все немало устали. Выпейте воды, утолите жажду.

Эти трое были людьми из клана Ху: помимо самого Ху Дашу, ещё двое его кузенов из старшего поколения. Одного звали Дашань, другого — Дацзян, а два подростка были сыновьями Ху Дашаня. Из троицы Ху Дашу был младшим, а старшим — Ху Дашань. Пригласили же именно его потому, что он уже помогал и своей семье, и родственникам строить дома; опыт у него был солидный. А раз семье Вэнь требовалось всего лишь сложить маленький саманный домик, то для него это была работа проще простой.

К тому же Ху Дашань отлично понимал, если бы не хорошие отношения Вэнь Ецяя с Бай Пином, такой заработок вряд ли достался бы их семье. Теперь-то положение семьи Вэнь было совсем иное, и стоило только заговорить о строительстве дома, сразу нашлось бы немало желающих помочь, лишь бы оказать услугу.

Да и сам Ху Дашу поначалу вовсе не хотел брать за работу платы, но Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем решительно пресекали эти речи. В конце концов договорились: по тридцать вэнь на человека за день работы, да ещё и сытный обед в придачу.

Заглянув в чашу, Ху Дашу поспешно замахал руками:

— Юй-ланчжун, так не годится! Нам бы и простой прохладной водички хватило, а вы нас таким добром угощаете! Ведь это же товар, за который на рынке можно хорошие деньги выручить.

Ведь в чашах была не простая кипячёная вода, а самый настоящий суаньмэйтан, что в доме Вэнь стали держать наготове с наступлением жары. Иначе у Вэнь Ецяя пропал бы аппетит, а вот выпьет кислого-сладкого отвара и за столом съест ещё одну полную чашку.

Услышав это, Ху Дашань с Ху Дацзянем тоже заметно смутились и переглянулись: уж слишком

роскошное угощение для простых работников.

Юй Шанчжи лишь вздохнул, он прекрасно понимал, отчего те так стеснялись. Через несколько дней в уезде намечалась большая ярмарка, и он собирался там торговать суаньмэйтаном. Для этого требовалось множество бамбуковых стаканов. В городке все торговцы питьём поступали именно так: бамбуковая посуда почти ничего не стоила — срубил в горах, высушил, обтёсывал и отшлифовал, и готово. Захочет гость унести сосуд с собой — не беда, а если вернёт, то получит обратно монетку.

Но в семье Вэнь каждый был занят делами, и некогда было ходить в горы за бамбуком. Подумав, Юй Шанчжи решил привлечь к этому односельчан. Сначала он хотел заготовить целых пять сотен стаканов, ведь ярмарка длилась три дня, а на неё сходились люди сразу из нескольких уездов, народу там бывала тьма-тьмушная. Пять сотен вовсе не казались перебором.

Однако Вэнь Ецай всё пересчитал и настоял: трёх сотен хватит.

— Многие сёла стоят от ярмарки далеко, — рассудил он. — Люди выходят ещё затемно и, конечно, берут с собой бурдюки или бамбуковые фляжки. Если наливать им в их посуду, можно сбавить цену на одну монету.

Юй Шанчжи всё понял: речь шла о том, что многие, выходя из дому, и без того берут с собой кружку или флягу, и если наливать им прямо в их посуду, да ещё сбавить на этом одну монету, то чего бы не согласиться?

Крестьяне жили бережливо, желающих сэкономить находилось немало.

— Тогда пусть будет триста, — заключил он.

Эти три сотни бамбуковых стаканов в конце концов разбили на несколько «заказов» и раздали шести дворам: по пятьдесят каждому. Хоть за один платили всего по медной монете, но ведь здесь не требовалось ни особого мастерства, ни тяжёлого труда, лишь чистая трата времени. А в деревне и пятидесяти монетам рады.

Вместе с тем по селу быстро разлетелась весть: Юй Шанчжи собирается на ярмарке торговать суаньмэйтаном.

— Да что там, — улыбнулся Юй Шанчжи, — для продажи он, конечно, в цене, а дома мы пьём как, обычную сладкую воду от жары. Соседи ведь, чего церемониться-то?

Он сам взял и сунул чашки прямо в руки двум сыновьям Ху Дашаня:

— А вы чего стесняетесь, тоже пейте, да побольше.

Под его настойчивым взглядом напиток все-таки приняли. Хлебнули разом, вытерли потные лица и, причмокнув от удовольствия, не удержались: в такую жару глоток этого напитка можно описать только одним словом — блаженство.

Юй Шанчжи попросту оставил на месте кувшин и чашки, пусть сами наливают, когда захочется пить, чтобы не стоять, не ломаться да не толкать друг друга в руки.

Трое братьев переглянулись: если бы такой кувшин вынести на продажу, разве не выручили бы десятки монет? И сразу взялись за работу с удвоенным усердием, только пот катился по лицам градом.

Строительство саманных домов называлось «хан ту баньчжу», то есть «утрамбованная земля». Великая Китайская Стена в древности так и возводилась. Но в деревне говорили проще — «бить глиняные стены», ведь стены в таких домах и впрямь выбивались удар за ударом.

Цемент в ту пору, разумеется, не было, поэтому основание выкладывали камнем. Самый нижний ряд собирали из больших валунов, это называлось «класть большие ноги». Следом шёл слой мелких камней — «класть детские ноги». На такой фундамент ставили две крепкие доски, оставляли между ними проём нужной толщины и начинали засыпать туда землю, утрамбовывая её колотушками.

У сыновей Ху Дашаня сил для такой работы не хватало, они лишь носили землю в корзинах, помогали отцу и дядьям. Сговорились сразу: за труд им денег не положено, хватит и того, что угостят обедом.

Такой саманный дом, если людей хватает, ставился за считанные дни. В семье Вэнь наняли лишь троих, и при условии, что дождь не помешает, рассчитывали управиться примерно за десять суток. Взять ещё работников, конечно, можно было бы, но в доме постоянно крутились две девчонки Вэнь-эрню и Кон Майя, и лишние мужчины во дворе всё же выглядели бы неловко.

Юй Шанчжи стоял в стороне, наблюдал за ходом дела и уж собрался вернуться в дом, как краем глаза заметил, что Даван и Эрван сорвались с места и стремглав кинулись к воротам. Мысль сразу мелькнула: вернулись Вэнь Ецая с Эрню, а с ними и Кон Майя.

И точно — створки распахнулись, но вошли не они все вместе, а две девчонки, каждая с одной стороны поддерживавшие пошатывающегося Вэнь Ецая.

Юй Шанчжи нахмурился, поспешил навстречу и перехватил супруга на руки.

— Что случилось? — вырвалось у него.

Он тут же увидел пылающее лицо Вэнь Ецая и под ладонью почувствовал жар — температура

была заметно выше обычного. Не нужно и гадать, почти наверняка тепловой удар.

Кон Майя за эти дни, следуя за Юй Шанчжи и наблюдая, как он осматривал нескольких крестьян с теми же симптомами, кое-чему уже научилась. Потому теперь она торопливо заговорила:

— Шиму, скорее всего,хватило жара. Сначала он жаловался, что болит голова, потом сказал, что кружится, а когда я потрогала лоб — горел как огонь. Мы с Эрню и поспешили отвести его домой.

Вэнь Ецай обмяк всем телом, прислонясь к плечу Юй Шанчжи, сил говорить не было — только тяжёлое дыхание. Юй Шанчжи наклонился, и при помощи Вэнь-эрню с Кон Майя устроил супруга себе на спину, донёс его до дома и внёс прямо в комнату.

Ху Дашу и остальные, что трудились во дворе, невольно обернулись на эту сцену, но, видя, что речь о гере, поспешили потупитья, не позволяя себе лишнего взгляда.

Вэнь Ецай уложили на постель, и Юй Шанчжи снял с него верхнюю одежду. Вскоре Вэнь-эрню принесла таз с водой, а Кон Майя внесла аптечку.

Юй Шанчжи сам взялся за дело: смочил полотенце, тщательно обтер пот, сняв жар, и рядом к изголовью поставил плевательницу — на случай, если подступит тошнота. Потому что чуть раньше он видел, как Вэнь Ецай прикрыл рот ладонью, должно быть, подступала рвота. В итоге тот, склонившись над изголовьем, он так ничего и не вырвал. Юй Шанчжи дал ему немного воды прополоскать рот, затем велел Кон Майе принести заранее приготовленное средство — настой хуосян против летнего жара.

Хуосян — обычное лекарственное растение в это время года, и Юй Шанчжи ещё с приходом лета сделал запас. За последние дни крестьяне не раз приходили за этим снадобьем, а теперь вот и собственному дому пригодилось.

— А-Е, приподнимись, выпей лекарство. Отдохнёшь немного и станет легче.

Случай Вэнь Ецай был не тяжёлым: выпить лекарство против жара и побольше воды, и он должен оправиться. Но вся загвоздка была в том, что Вэнь Ецай терпеть не мог запах хуосяна.

— Можно не пить? — сдавленно простонал он. — Я вроде и так отхожу, а как только чую этот дух, снова мутит.

Голова у него раскалывалась, в висках стучало так, что казалось, их пронзают иглы, и даже глаза невозможно было открыть.

Наверное, потому что он был нездоров, голос его звучал иначе, чем обычно: чуть осипший,

мягкий, словно он капризничал. В комнате ещё оставались Вэнь-эрню и Кон Майя. Услышав, как Юй Шанчжи слегка кашлянул, последняя тут же поняла намёк и обернулась к подружке:

— Эрню, мы тут всё равно не поможем. Давай-ка лучше переберём травы, что я сегодня принесла, ладно?

Эрню, разумеется, согласилась. Когда девочки вышли, Юй Шанчжи начал уговаривать упрямого гера:

— Потерпи, зажми нос и выпей, тогда и вкус не почувствуешь. Потом просто прополоскаешь рот водой.

Вэнь Ецай приоткрыл глаза на узкую щёлку:

— Нос-то зажимать зачем? Я же не носом пью лекарство.

Юй Шанчжи спокойно пояснил:

— Потому что обоняние связано со вкусом. Многие, когда простынут и нос закладывает, вообще перестают различать вкус еды. Вот и здесь тот же принцип.

Вэнь Ецай недоверчиво наморщил нос:

— Правда?

Юй Шанчжи кивнул:

— Зачем мне тебя обманывать? Давай, выпей скорее: если не выпьешь, так и будешь мучиться.

Жар от солнца изматывал, и Вэнь Ецай прекрасно понимал: пока Юй Шанчжи рядом, отвертеться от горького лекарства не удастся. Пришлось нехотя подняться. Сжав нос, он осушил чашку с хуосян чжэнци, затем тут же залил несколько больших глотков воды. Даже так, на лице у него отразилась вся мука.

— Ну как может быть что-то настолько гадкое на вкус...

Юй Шанчжи, глядя на его болезненно-серую мину, только вздохнул:

— Если бы я тебе не проверял пульс через день, уже подумал бы, что ты в положении.

Вэнь Ецай вяло перекатился со стороны на спину, и, услышав эти слова, хлопнул ладонью по животу:

— Извини уж, мой живот не такой старательный.

Юй Шанчжи не любил такие разговоры. Осторожно уложив его голову обратно на подушку, он наклонился и мягко коснулся его губ.

— Сегодня это моя вина, — тихо сказал Юй Шанчжи. — В такую жару надо было удержать тебя, не пускать в поле.

Вэнь Ецай не придавал словам значения, лишь прищурился, наслаждаясь объятиями мужа:

— Подумаешь! Работа в поле не может ждать ни дня. Неужто только потому, что жарко, сидеть дома без дела?

Юй Шанчжи тяжело вздохнул:

— Ту мазь с мятой и борнеолом, что я сделал, ты отныне носи с собой. Намажь виски и точку Жэньчжун, а работая, пей побольше воды.

Он и сам ходил помогать в поле не раз, но каждый раз его звали назад — то один больной, то другой приходил лечиться. В конце концов Вэнь Ецай сам стал его останавливать: мол, не стоит задерживать людей с недугами.

— Понял, — откликнулся он, почувствовав, что силы возвращаются. Он обнял Юй Шанчжи за шею, но, вспомнив, что только что выпил лекарство и весь вспотел, ограничился тем, что лишь прижал сухие, потрескавшиеся губы к его щеке, слегка проведя ими по коже. Прикосновение было шероховатым и одновременно щекочуще-нежным, словно по сердцу прошла лёгкая дрожь.

Молодая пара ещё немного понежничала в комнате, после чего Юй Шанчжи снова заставил Вэнь Ецай выпить два стакана воды и только тогда поднялся и вышел.

Во дворе, в единственном клочке тени, Кон Майя и Вэнь-эрню разложили на земле собранные на полях и межах обычные лекарственные травы; рядом присоединился и Вэнь-санья, троица уселась каждый на свой низкий табурет и сортировала растения по разным корзинкам. Какие-то считались сорной травой: можно порубить и скормить курам с утками, другие же вообще несъедобные, и тогда остаётся только выбросить. Но в глазах лекаря всё это могло стать лекарством.

Юй Шанчжи обратил внимание, что в этот раз среди собранного снова оказалось немало полыни-иньчэнь. По прикидкам, это уж последний сбор: ещё немного и трава перезреет, тогда

останется лишь бросить её в печь на растопку. Он подошёл, проверил, нет ли ошибок, и, увидев, с какой серьёзностью Кон Майя занимается сортировкой, ничего больше не сказал. Сначала он отправился в дровяник, где достал несколько мешков с заранее высушенными и растолчёнными травами.

До ярмарки оставалось всего три-пять дней, и если не приняться за свёртывание лечебных прижиганий прямо сейчас, можно было не успеть.

Таким образом этим днём Вэнь Ецай отдыхал в доме, братья из семьи Ху во дворе били землю для стен, а Юй Шанчжи, собрав троих младших, сидел с ними в доме и учил скручивать лечебные прижигания.

Продавать он собирался по три вэня за две штуки - цену, вполне посильную для большинства деревенских дворов. Учитывая людской поток на ярмарке и почти дармовую себестоимость трав, Юй Шанчжи прикинул: стоит сделать несколько сотен штук.

Все измельчённые до порошка травы он заранее относил в дом Чжуанцзы, где их перетёрли на большом жернове. В принципе, если не слишком придираешься, можно было обойтись и лекарственным пестиком, но домашний слишком мал, толочь долго, да ещё и дым при горении чернеет, и прогорает всё слишком быстро.

Состав он выбрал такой: полынь обыкновенная, полынь иньчэнь-хао, хошан (многоколосник морщинистый) и камыш-шицанпу. Всё это летние травы, повсюду встречающиеся; вместе они давали терпковатый, но не неприятный запах. Сверху оставалось обернуть нарезанной тутовой бумагой и скатать в ровный цилиндр, ровно так же, как в прошлый раз он делал моксы*.

(ПП: полынные сигареты для прогревания акупунктурных точек)

Длину и толщину прижиганий Юй Шанчжи уже заранее опробовал на практике и знал, какой размер позволит им гореть достаточно долго. Инструменты для скрутки моксы были просты и доступны, в доме сейчас имелось четыре-пять таких, хватало каждому по одному, чтобы никто друг другу не мешал.

Смешанные травы источали горьковатый, но не резкий запах. К закату четверо уже наделали около восьмидесяти штук. В этот момент у двери показался Ху Дашу, позвал хозяина посмотреть, как продвигается строительство, и сказал, что на сегодня работа закончена, они собираются домой.

Юй Шанчжи отложил дело и вышел вместе с ним. Братья из семьи Ху понимали, что он не слишком разбирается в постройке домов, поэтому объясняли подробно.

— Эти две стены уже подняты. Сначала трамбуем слой земли, потом промазываем водой — так держится прочно, — говорил Ху Дашань и даже несколько раз с силой ударил кулаком по стене, демонстрируя её крепость.

За последние дни Юй Шанчжи успел узнать, что земляные стены делают не просто из жёлтой земли, выкопанной в горах: в неё обязательно подмешивают немного песка или речной глины, а внутри закладывают бамбуковые каркасы, чтобы укрепить основу. А вот сколько класть жёлтой земли, а сколько — песка и речной глины, тут уж всё зависело от опыта мастера, и именно в этом заключалось искусство строителя. На этой уверенности и держалась основательность Ху Дашаня.

Юй Шанчжи остался доволен их работой и даже невзначай предложил, что Ху Дашань мог бы собрать несколько братьев из рода и составить собственную артель, которая специализировалась бы на постройке домов. Слова его, похоже, пришлись в самую точку: брови Ху Дашаня чуть дрогнули, и Юй Шанчжи подумал, не было ли у того уже раньше такой мысли.

В стороне Ху Даши и Ху Дашу собирали инструменты. Уносить их домой не требовалось, но нужно было сложить как следует. А два сына Ху Дашаня, целый день таскавшие землю, были все в пыли с ног до головы, но работали старательно: взяли веники и сгребали рассыпавшуюся по двору землю в кучу. И эта земля не пропадёт даром, завтра снова пойдёт в дело.

Юй Шанчжи расплатился с ними за сегодняшний труд и пригласил умыться перед уходом, но все трое замотали головами:

— Дома умоемся, чего зря переводить воду из вашего бака.

Ведь в деревне ни у кого не было колодцев во дворах: за водой ходили к общественному колодцу у въезда в деревню или на реку. А до дома Вэней и колодец, и река были неблизко, натаскать полный бак стоило труда.

Отработав целый день, они торопились вернуться к себе, поужинать, и потому, обменявшись парой вежливых слов, гурьбой ушли.

Когда за ними закрылась калитка, Вэнь Ецай, протирая глаза, вышел из дома. Проснувшись, он почувствовал, что весь взмок, тело липкое и влажное. Чистую одежду надевать не захотел, чтобы не испортить, а старую снова натягивать тоже не хотелось, вот и набросил на плечи нестираный верхний халат. В таком виде, конечно, чужим на глаза показываться нельзя.

Зато, завидев во дворе очертания уже поднявшихся стен, Вэнь Ецай сразу приободрился.

— Братья Дашу и впрямь молодцы, гляди, как споро управляются! — сказал он с воодушевлением.

По сравнению с тем, что было утром, земляная стена явно подросла, это было видно.

Юй Шанчжи поправил на нём распахнутый халат, ладонью коснулся лба:

— Ну как себя чувствуешь? Всё ещё нездоровится?

Не удержавшись, он упрекнул:

— Только встал и сразу, обливаясь потом, на ветер. Тебе, видно, мало было солнечного удара, так ты ещё тепловую простуду захотел подцепить.

Вэнь Ецай всё ещё глазел на новую комнату, но, услышав это, всё же отвёл взгляд и отозвался:

— Я уже в порядке, ничего такого не чувствую.

Потом сморщился и недовольно причмокнул губами:

— Вот только вкус этого лекарства будто до сих пор во рту стоит... Может, вечером приготовим что-нибудь повкуснее?

Юй Шанчжи настоял, чтобы он оделся как следует, пообещал нагреть к вечеру воды для бани, а сам с мягкой улыбкой спросил:

— Ну, что тебе хочется?

Вэнь Ецай долго перебирал в мыслях разные варианты, и вдруг в глазах у него мелькнула искорка:

— Хочу поесть тех самых «рыбок из теста», что ты меня в прошлый раз учил делать!

Это было несложно, и Юй Шанчжи мягко подтолкнул его обратно в комнату.

— На ужин тебе ничего делать не надо. Я с Эрню всё приготовлю, Майя поможет. Когда будет готово, позовём тебя за стол.

Перед самым выходом он ещё кивнул в сторону чайника на столе:

— Пей побольше воды.

Вэнь Ецай послушно налил себе полную кружку и разом выпил в три глотка.

Юй Шанчжи, довольный, вышел.

Узнав, что старший брат хочет поесть «рыбок из теста», Эрню живо принялась за приготовления, взяв в помощь Кон Майю. Одна растопила очаг, другая сходила во двор сорвать свежей зелени. Для бульона взяли помидоры, их кисло-сладкий вкус отлично освежает и раззадоривает аппетит.

А сам Юй Шанчжи с помощью Эрню, занялся тестом. К счастью, несмотря на название, «рыбки» вовсе не требовали лепки замысловатой формы, как пельмени или баоцзы. Собственно говоря, о «рыбках из теста» Юй Шанчжи упомянул как-то случайно, и тогда только выяснилось, что здесь такого блюда вовсе не знают. Впрочем, неудивительно: сам он впервые попробовал их в прошлой жизни, когда вместе с коллегами отправился на двухмесячное обучение и выездные бесплатные приёмы в одном северо-западном краю. Жили они тогда по деревням, у местных жителей, и, пару раз наблюдая, как хозяйки готовят это кушанье, он его и запомнил. Правда, запомнил лишь глазами, повторять самому до того случая не доводилось.

Теперь тесто было вымешано, вода в котле закипела. Юй Шанчжи взял комоч теста в ладонь и чистыми ножницами отщипывал кусочки, роняя их прямо в кипяток. Получалось: голова широкая, хвостик узкий — точь-в-точь мальки в ручье. А во рту они гладкие, скользкие, приятно упругие. Вся семья ела с явным удовольствием.

За ужином Юй Шанчжи наблюдал за Вэнь Ецаем: тот ел с аппетитом, съел немало, и по этому признаку стало ясно, что недомогание действительно прошло. Жаркое лето было тяжким временем, и Юй Шанчжи с тоской отмечал, что его супруг заметно похудел.

Когда Кон Майя поела, она поспешила встать и откланяться, но Вэнь Ецай заранее отложил для неё отдельную чашку «рыбок из теста»:

— Отнеси, дай отцу попробовать.

Губы девочки дрогнули; после короткой заминки она всё-таки вымолвила:

— Спасибо, шифу... спасибо, шиму.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай с улыбкой махнули ей вслед, а преданный Эрван сопровождал до самой калитки.

Шагая по деревенской дороге, Кон Майя чувствовала, как в груди стало горячо-горячо. С того дня, как она поклонилась Юй Шанчжи, её почти ежедневно оставляли обедать у них; дома очаг разжигали разве что для отваров да для скромного завтрака. Раньше она ещё пыталась отказываться от этой доброты, теперь же, называя их шифу и шиму, и вовсе чувствовала, что не может отвергнуть.

Идя к дому, она всё думала и думала, приходя к одному: единственное, чем она в силах отплатить, это учиться изо всех сил, вбивать в память каждое слово, каждое наставление, и как можно скорее стать настоящим врачом, чтобы воздать за оказанное благодеяние.

Конец мая.

Окрестные деревни, что подчинялись разным уездным городкам, к этому времени уже завершили летнюю жатву. Золотые колосья, недавно покрывавшие горы и поля, теперь обернулись зерном в житницах и мукой в домашних закромах. Даже самые бедные семьи, перетерпев, черпнули пригоршню белой муки и слепили пельмени, чтобы хоть раз наесться в праздник.

На полях уже не осталось ни одного колоска: солому аккуратно собрали, а на освободившихся грядках взошла фасоль и кукуруза. С появлением излишков зерна и денег по деревням поползли вести: грядущая ярмарка назначена на границе уездов Лянси и Утун.

Эрню целыми днями носилась по улице, в играх и беготне; услышав об этом, она первой примчалась домой поделиться новостью с Юй Шанчжи и Вэнь Ецаем. Вэнь Ецай в этот момент пересчитывал связки бамбуковых стаканов, что приносили из разных домов. Услышав её слова, сердце у него невольно ухнуло, он даже рефлекторно повернулся искать взглядом мужа.

Юй Шанчжи как раз затягивал узлом последний холщовый мешочек с заготовкой для напитка из кислой сливы. Он и бровью не повёл, лишь спокойно сказал Эрню:

— Понятно. В тот день отправимся пораньше.

Вэнь-эрню радостно взвизгнула и тут же выскочила наружу — бежать делиться вестью с Сянья и Кон Майей. Юй Шанчжи прежде обещал: и Санья, и Майе дозволено отправиться на ярмарку.

Когда девочка убежала, Вэнь Ецай уже не мог сосредоточиться на счёте бамбуковых стаканчиков. С обеспокоенным лицом он подсел ближе к мужу.

— Я ведь всё это время и думал об этом, — заговорил он приглушённо. — На этой ярмарке мы почти наверняка столкнёмся с людьми из деревни Банпо. А если кто-то узнает тебя... Не лучше ли будет, если я сам поведу детей, а ты пока не покажешься? Всё-таки это же всего лишь напиток и прижигания — нас и без тебя хватит.

Но Юй Шанчжи давно всё обдумал.

— Дело не в том, хватит ли рук. Я ведь не могу всю жизнь прятаться в деревне Селю. Рано или поздно тайное станет явным. Можно укрыться в первый день месяца, но не укроешься в пятнадцатый*.

(ПП: поговорка, означает нельзя скрывать правду или избегать последствий вечно. Рано или поздно всё откроется, и расплата или огласка неизбежны)

Пальцы Вэнь Ецая сжались в кулак, и аккуратно подрезанный ноготь большого пальца оставил на боку указательного тонкий белёсый след, словно полумесяц. Юй Шанчжи заметил это, перехватил его руку и мягко размял то место, где тот сам, не осознавая, до красноты впился ногтями.

— На самом деле, если уж и правда встретятся, возможность объясниться тоже не худший исход. Я ведь ещё думал выкроить время и съездить в Банпо, поклониться на могиле старого лекаря Циня и хоть таким образом исполнить за прежнего хозяина тела сыновний долг. К тому же, разве не ты уговаривал меня тогда с делом тётки Чжуан?

Вэнь Ецай тяжело выдохнул, его сердце всё равно тревожно металось.

— Это не одно и то же. Всё-таки тётка Чжуан наша односельчанка, даже если она и пересказывала слухи, деревенские ещё могли усомниться, поверить или не поверить. Но если люди из Банпо прямо подойдут к тебе с упрёком...

Он сам был свидетелем, как тамошние относятся к имени «Юй Шанчжи» - слюной забрызгать могли насмерть.

Мысли закрутились вихрем, и в голове вспыхнула почти нелепая догадка:

— А если уж совсем прижмёт, можно ведь и знахарку подкупить... Скажем, будто в тебя раньше дух вселился, что скажешь?

Юй Шанчжи сказал, что ещё подумает над идеей подкупа.

А вечером, когда они вымылись и вдоволь насладились друг другом в просторной бочке, оба напрочь позабыли обо всех тревогах. Вэнь Ецай, вытертый насухо, лежал на животе, только и чувствовал будто из скелета выдернули по паре костей, всё тело стало мягким и вялым, двигаться не хотелось.

Юй Шанчжи, вылив воду из бадьи и вернувшись в комнату, на ходу взял ленту для волос и собрал его длинные пряди в свободный узел. Ночью, после купания, голову не сушили — только тело обмыли; старая тесёмка у Вэнь Ецая во время близости и вовсе лопнула.

— Хорошо ещё, что не та, по сто вэнь за штуку, — пробормотал он, вертя обрывок, — узелок завязал, и сгодится.

Перевернувшись, он взялся тереть несколько шелковистых прядей, спадавших с плеча Юй Шанчжи, и вдруг сказал:

— Знаешь, у нас тут есть поговорка: волосы мягкие — сердце тоже мягкое. Вот у тебя волосы очень мягкие.

Потрогал свои и совершенно серьёзно добавил:

— Мягче, чем у меня.

Юй Шанчжи слегка приподнял уголки губ и наклонился, глядя на своего супруга.

— Кто это сказал? — мягко возразил он. — По-моему, твои волосы тоже очень мягкие.

Пальцы Вэнь Ецай ловко завязали узел на его прядях, но шелковистые волосы тут же распались.

— Я вот думаю, может, как раз мягкое сердце и подходит для того, чтобы быть лекарем, — задумчиво произнёс он. — В тот день, когда Майя приносила учительскую клятву, вы зачитывали тот отрывок... Я половину понял, половину нет, но если бы я был на твоём месте, я бы, наверное, не смог.

Если бы преступника, совершившего зло, но при этом тяжело больного или смертельно раненого, привели к Юй Шанчжи, он знал: тот всё равно спасёт. В этом и заключалась разница между людьми. Его маленький доктор был человеком редчайшим, с сердцем, готовым спасать мир, с жизнью чистой и прямой.

Юй Шанчжи наклонился и поцеловал его в щёку.

— Ты опять вспомнил про дело в деревне Банпо? — тихо спросил он.

Вэнь Ецай помолчал мгновение и, в конце концов, чуть прищурил глаза, уголки губ тронула лёгкая улыбка.

— Я уже отпустил это, — тихо сказал он. — Чистого грязью не замараешь. Даже если прежний Юй Шанчжи был подлецом, что же, человеку не дозволено встать на иной путь, покаяться и исправиться?

В день ярмарки.

С первыми лучами солнца Юй Шанчжи и Вэнь Ецай уже запрягли вола в телегу и начали складывать в неё всё, что собирались везти. Сливовый отвар был сварен заранее: густой, прохладный, с кисло-сладким ароматом. Его перелили в большой деревянный бочонок, накрыли крышкой, чтобы не попала пыль, и поставили рядом сотню бамбуковых стаканов.

Прижиганий с лечебными травами всего приготовили около пятисот, но на первый день взяли двести, ими заполнили целую плетёную корзину. Кроме того, связка соломенных сандалий и неизменный лекарский сундучок Юй Шанчжи заняли своё место в телеге.

Когда всё было уложено, оставшегося пространства хватило ровно для того, чтобы усестся вчетвером, хоть и пришлось потесниться. Впереди, правя повозкой, разместились Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, а сзади Вэнь-эрню и Кон Майя прижали к себе Вэнь-санья, устроив его посередине.

Даван и Эрван остались дома стеречь двор. Сегодня почти все жители деревни отправлялись на ярмарку, и даже братья из семьи Ху не вышли на работу.

Кон Майя осторожно придвинула к себе связку плетеной обуви, стараясь занимать на телеге как можно меньше места. У нее было десять пар: три её отец сплёл за последние полмесяца, работая с утра до вечера, остальные семь она сама сделала под его присмотром, пока сидела рядом. Вэнь Ецай говорил, что на ярмарке соломенную обувь можно продать по восемь-десять вэней за пару. Значит, если удастся сбыть все десять, получится выручить целых несколько десятков вэней. А это значило, что её отец получит новый повод держаться за жизнь, работать и надеяться на будущее.

Все её мысли были прикованы к соломенной обуви, да ещё к лекарскому сундуку, за который она крепко держалась, потому она даже не заметила, как телега уже незаметно подкатила к деревенским воротам.

Как раз у выезда повозка семьи Вэнь встретила с ослиной повозкой семьи Чжуанцзы. Обе стороны обменялись приветствиями:

— Дядюшка Чжуанцзы, тётушка, везёте тофу продавать?

— А то как же, — с довольным видом отозвался хозяин. — Нарочно сделали на два подноса больше, слышал, в этом году народу на ярмарке будет пруд пруди.

Сам Чжуанцзы улыбался во всё лицо, а в задке повозки сидела его жена, с двух сторон её обступали два сына. После недавней истории тётушка Чжуанцзы, встретив Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, всё ещё чувствовала себя неловко.

— Ваш тофу очень вкусный, — с улыбкой сказал Юй Шанчжи, — на ярмарке пойдёт нарасхват. Раз уж мы встретились, как насчёт того, чтобы встать рядом, одним рядом лавки поставить?

Как только Юй Шанчжи закончил говорить, сам Чжуанцзы расплылся в счастливой улыбке:

— Ай да удача! Для нашей семьи это будет великое везение!

Он прекрасно понимал: раз уж семья Вэнь решила выйти на рынок с прижиганиями да освежающим напитком из кислой сливы покупателей возле них всегда будет толпа.

Но Юй Шанчжи вежливо возразил:

— Где уж там, дядюшка, это мы-то благодаря вам! Вы ведь настоящим ремеслом занимаетесь, а мы так, только ради опыта вышли.

После пары взаимных любезностей дело было решено. В дороге всем спокойнее держаться вместе, рядом с людьми, которых хорошо знаешь.

Так две телеги и покатали дальше плечом к плечу. На середине пути Юй Шанчжи взял в руки вожжи, а Вэнь Ецай, избавленный от забот, соскочил на землю, нарвал пучок колосков «собачьего хвоста» и тут же стал мастерить для троицы малышей забавные «заячьи ушки».

Колоски «собачьего хвоста» мягкие и пушистые. Вэнь-эрню взяла парочку и нарочно провела ими по затылку Вэнь-санья, отчего тот захохотал, извиваясь и тщетно пытаясь дотянуться до её подмышки, чтобы отплатить тем же. Кон Майя молча набрала целую охапку травинок и уселась, сосредоточенно возясь с ними. Не прошло и четверти часа, как в ее ладонях вдруг появился крошечный пёсик, стоящий на лапках.

Сзади раздались удивлённые возгласы. Юй Шанчжи, убедившись, что дорога впереди ровная и безопасная, обернулся и тоже посмотрел.

Трое детей столпились вокруг фигурки:

— Майя, ты и впрямь умница!

Даже Вэнь Ецай не удержался от похвалы.

Девочка смущённо улыбнулась:

— Это... мама ещё когда-то учила меня.

Она крайне редко упоминала свою мать. И, слушая её тихие слова, Юй Шанчжи понял: обиды на ту женщину, что ушла в другой дом, в сердце девочки, похоже, вовсе не осталось. Дети бедняков рано взрослеют, и, наверное, Кон Майя тоже понимала — всё это было лишь от безысходности.

Вэнь Ецай свернул стебли под «кроличьими ушками» в колечки и раздал каждому из троих малышей по одному. Те надели на пальцы, словно игрушечные перстни. Вэнь-эрню снова принялась канючить, чтобы Кон Майя сплела ещё одного щенка: так одного можно будет назвать Даваном, а другого — Эрваном.

Через некоторое время Юй Шанчжи почувствовал, как рядом прижалось тело Вэнь Ецай, а потом его ладонь ловко поймала руку Юй Шанчжи и надела на палец кольцо — тоже с двумя «кроличьими ушками», трепещущими на ветру.

Юй Шанчжи не удержался от улыбки. Кажется, он никогда прежде не баловался такими детскими забавами, и всё же...

Как же это мило.

У самого Вэнь Ецай на пальце тоже красовался «перстень», и, заметив это, Юй Шанчжи тихо подсказал ему:

— Переставь на безымянный.

Тот послушно сделал, но удивлённо спросил:

— А зачем? В этом есть какой-то смысл?

Помня о том, что сзади сидели дети, Юй Шанчжи наклонился ближе и негромко пояснил. Выслушав, Вэнь Ецай посмотрел на две травяные ушки на его пальце уже совсем иным взглядом.

— Тогда так не годится, — он тоже понизил голос, уголки губ не удержались от улыбки. — В следующий раз, как поедem в уезд... пойдём и купим себе пару серебряных.

Услышав, как Вэнь Ецай сказал именно «мы», Юй Шанчжи, хоть они давно уже жили вместе, всё равно ощутил беспричинный прилив радости.

Повозка вскоре сошла с утоптанной дороги, ведущей к уезду Лянси, и свернула в другую сторону. Утренняя прохлада в ветре постепенно исчезла, становилось всё жарче. Вэнь Ецай достал из корзины два принесённых из дома плетеных веера: один отдал детям сзади, чтобы обмахивались все трое, а второй держал сам, веял то на Юй Шанчжи, то на себя.

Спустя примерно полчаса езды впереди послышался людской гул — шумные голоса, смех, крики зазывал, и стало ясно: они прибыли к месту.

Чжуанцзы с семьёй и Вэнь Ецай не раз уже ставили лотки на рынке, поэтому знали здешний порядок. Сначала у самого входа они нашли распорядителя, сидевшего за столиком у раскрытого шатра. Сообщили ему, чем собираются торговать, отдали десять медных монет сбора и получили указание, в какой ряд пройти.

Места на таких больших ярмарках были разделены на сектора, и кому достанется какая сторона, решалось по принципу «кто раньше пришёл — тот и занял». Но в отличие от постоянного рынка в уездном городке, тут не существовало особой разницы между «выгодным» и «невыгодным» местом: людской поток проходил повсюду. Стоит лишь оказаться на виду, и покупатели найдутся.

— Давайте тут встанем, — решительно сказал Чжуанцзы, оглядевшись. Он как старший и опытный сразу приметил подходящее местечко. — Место ровное, просторное и чистое.

Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем возражений не имели. Обе семьи подогнали повозки, а чуть поодаль нашли деревце, к которому и привязали вола с ослом, оставив достаточно длинные верёвки, чтобы те могли дотянуться до травы и в случае надобности пожевать.

У Чжуанцзы всё было просто: достали доски с тофу, выставили на прилавок и начали зазывать народ.

А вот у семьи Вэнь вещей оказалось куда больше, потому устроиться было хлопотнее. В бочке под крышкой уже дожидался охлаждённый сливовый отвар; сверху поставили несколько бамбуковых стаканов — сразу видно проходим, что продаётся.

Сбоку на земле расстелили циновку: в одном углу аккуратной стопкой уложили соломенные сандалии, а остальное пространство заняли свёрнутые трубочками лечебные прижигания.

Когда всё наконец было расставлено, выяснилось, что приготовления на этом не закончились. Чжуанцзы с женой, уже прислушавшись к возне, удивлённо обернулись: увидели, как Юй Шанчжи вытянул с повозки ещё один свёрток полотна, привязал его к бамбуковому шесту, а Вэнь Ецай пинками вогнал острый конец шеста в землю — вышел настоящий флажок-вывеска.

— Вэнь-гер, это что у вас? — изумлённо спросили они, указывая на вышитый на полотнище иероглиф. Сами его не знали, но вид у него был знакомый.

Вэнь Ецай усмехнулся:

— Это знак «и» — «врач». Шанчжи подумал: раз уж всё равно сидеть тут целый день, отчего бы заодно не поставить прилавок для приёма больных.

— Вот оно что! — просветлели Чжуанцзы. — Умно придумано. Ведь всё, что вы продаёте, вон те отвары и прижигания, тоже ведь самим Юй-ланчжуном придумано.

У иных людей напиток из кислой сливы остаётся просто прохладным питьём, а если продаёт его лекарь, это уже целебный настой. А про лечебные прижигания и говорить нечего: в их деревне уже многие перепробовали, стоят недорого, а пользы куда больше, чем от того, чтобы просто палить пучки полыни.

Кон Майя доверила продажу соломенных сандалий Вэнь-эрю, а сама подошла и присела рядом с Юй Шанчжи. Перед выходом тот уже предупредил её сидеть возле, слушать внимательно и учиться.

Вэнь-санья сопровождал родную сестру. Для него это был первый в жизни выезд на большой

рынок: глаза горели, всего хотелось рассмотреть, каждое пустяковое зрелище казалось диковинкой. Вэнь-эрню же уже бывала здесь с Вэнь Ецаем и теперь в глазах брата выглядела знатоком всего на свете — указывала, объясняла, болтала без умолку. При этом не забывала о наказе старшего брата Юя: то и дело вытирала Санье пот со лба, подносила кружку с водой.

Как только лавка была окончательно расставлена, под громкие зазывы, в которых семья Вэнь никогда не знала робости, к ним стали подходить первые любопытные.

— Это что за питьё? — поинтересовался прохожий.

— Дяденька, это суаньмэйтан, настой из кислой сливы! — звонко откликнулась Эрню.

Вэнь Ецай, заметив покупателей, живо поднялся навстречу, откинул крышку с деревянного бочонка и зачерпнул ковшем, показывая прохладный, янтарный напиток. Ярко-алая жидкость плеснулась в ковше, и это зрелище привело в восторг ребёнка, которого отец держал на плечах.

— Хочу! Хочу! — захлопал тот ладошками.

Вэнь Ецай быстро окинул взглядом семью: одежда на них была чистая, добротная, значит, позволить себе угощение они могли.

Мать малыша, однако, вздохнула с лёгким упрёком:

— Дома за столом толком не ест, а стоит сюда прийти — сразу всё подряд ему подавай.

Юй Шанчжи вовремя поднялся и мягко добавил:

— Этот напиток не только жажду снимает, но и помогает желудку, улучшает аппетит.

Слова его заставили женщину задуматься, а вот муж нахмурился, недоверчиво проворчав:

— Да разве это не просто из фруктов сварено? Откуда тут столько пользы?